

Т. В. Игошева

РАННЯЯ ЛИРИКА
А. А. БЛОКА (1898—1904)

Поэтика
религиозного символизма

ГЛОБАЛ КОМ
МОСКВА 2013

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
И 26

*Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым
коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»*

Игошева Т. В.

И 26 Ранняя лирика А. А. Блока (1898—1904): поэтика религиозного
символизма. — М.: Глобал Ком, 2013. — 400 с. — (Studia Philologica).
ISBN 978-5-9551-0639-7

Монография представляет собой исследование ранней лирики
А. А. Блока в контексте его религиозного мировосприятия. В работе рас-
крывается содержание целого ряда понятий метафизического, религи-
озного, мистического содержания, которые легли в основу поэтической
книги Блока «Стихи о Прекрасной Даме».

Для исследователей, изучающих историю русской литературы нача-
ла XX в., и всех, интересующихся русским символизмом.

ББК 83.3(2Рос=Рус)1

*В оформлении переплета использована картина
Сandro Боттичелли «Благовещение»*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0639-7

© Т. В. Игошева, 2013
© Глобал Ком, 2013

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава первая. Формирование представления о Мировой Душе в лирике А. Блока (1898 — начала 1901 гг.)	15
1. О религиозном характере русского символизма. Общие замечания	15
2. «“Эклектическая” эпоха, умеющая молиться всем богам...”	26
3. Источники религиозного мироощущения Блока. Идея души в поэтическом творчестве Блока 1898—1900 гг. в контексте фетовской лирики	34
4. Идея души в ранней лирике Блока (1899 — начало 1901 гг.) в контексте платонизма и неоплатонизма	60
Глава вторая. Природа: «новое небо и новая земля»	82
1. Своеобразие религиозно-мистической позиции А. Блока	82
2. Блок и доклад В. А. Тернавцева «Русская церковь пред великою задачей»	95
3. Апокалипсическая тема в ранней лирике А. Блока. Проблема соотношения образа и прообраза в поэтике А. Блока	100
4. Идея преображения природного мира в лирике А. Блока 1901—1904 гг.	131
Глава третья. Герой: «Плоть, почти что ставшая духом...”	157
1. Идея преображения человека в контексте религиозно- философских представлений о «новом человеке» конца XIX — начала XX в.	157
2. Идея преображения человека в поэтическом творчестве Блока (1901—1904 гг.)	175
3. Проблема телесности в контексте идеи преображения человека	208
4. Тема смерти в ранней лирике Блока	222
Глава четвертая. Героиня: «Мне дано видеть тебя неизреченную...”	235
1. «Сакральная иерархия» в художественном сознании А. Блока	235

2. Проблема Софии и ее религиозно-философское содержание	247
3. Структура женского образа в лирике Блока (1901—1904)	274
4. Смысл любви и мистического брака в художественном сознании Блока	306
 Глава пятая. Богородичный компонент женского образа	
в раннем творчестве А. Блока	333
1. Формирование интереса Блока к богородичной теме	333
2. «Она росла за дальними горами...»	348
3. Тема Благовещения в составе религиозных представлений Блока и в его лирике 1901—1904 гг.	364
 Заключение	395
 Список сокращений	398

ВВЕДЕНИЕ

Ранняя лирика Блока воплотила в себе многие идеи, что называется, «витающие в воздухе» начала XX в. Важнейшая среди них — религиозная идея преображения мира и человека. Именно она являлась тем центром, вокруг которого была сосредоточена жизнь ключевых понятий русского символизма: «жизнетворчество», «теургия», «мифотворчество» и др. Непредвзятый взгляд на творческое наследие Блока убеждает, что в его основе лежал религиозный опыт. По словам самого поэта, его «переживания “Прекр<асной> Д<амы>” были <...> несомненны»¹. Структура и средства лирического высказывания, темы и мотивы лирики периода «Стихов о Прекрасной Даме» были направлены на воплощение в поэтическом слове именно этой несомненности религиозного переживания. По существу, в своем раннем творчестве Блок ставил вопрос о творческом опыте как опыте религиозном.

По точному слову Г. Флоровского, религия в символизме «превращалась в искусство» «и в духовную реальность надеялись прорваться приступом эстетического вдохновения минуя молитвенный подвиг...»². Блок так и писал в 1916 г. Н. А. Нолле-Коган о своих стихах: они «писались отнюдь не во имя свое, а во Имя и перед Лицом Высшего (или того, что мне тогда казалось высшим, все равно, это покажет будущее, а я и до сей поры думаю так). В этом и есть для меня единственный смысл “Стихов о Прекрасной Даме”, которые, в противном случае, я бы считал “стишками”, т. е. делом, о котором лучше молчать» (*ЛН*. Т. 92. Кн. 2. С. 326).

Однако в этом «дерзновенном» требовании слияния религиозного самосознания с эстетикой таилась трагедия, о которой Б. Энгельгардт в 1921 г. точно заметил: «...в символизме нашла свое прямое выражение великая трагедия современного поэтического слова, которое, задыхаясь среди каменеющих громад понятийно-чувственных созерцаний нигилистического сознания, бунтует и бьется и истекает кровью, пытаясь во что бы то ни стало раздвинуть

¹ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903—1919 / Публ., предисл. и комм. А.В. Лаврова. М., 2001. С. 193.

² Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс, 1991. С. 458.

тесные стены своей темницы и вырваться из душного подземелья на светлые просторы религиозного приятия жизни»³. «Религиозное приятие» жизни как русских символистов в целом, так и Блока в частности, не являлось чем-то абстрактным и неопределенным, Их религиозное чувство, стремившееся стать не только мироощущением, но и мировоззрением, проявляло себя в достаточно отчетливых и системных представлениях. Как показывают исследования последнего времени, формы религиозного сознания русских символистов, системность их религиозно-мистических воззрений поддаются исследованию и до определенной степени — реконструкции.

Анализ современного состояния научного освоения раннего творчества Блока приводит к выводу о недостаточной его изученности. Особенно это касается поэзии периода «*Ante lucem*» и «Стихов о Прекрасной Даме». И осмысление религиозно-мистических категорий, которыми оперировал в то время Блок, и анализы его конкретных поэтических произведений нуждаются в более кардинальной и детальной проработке. Складывающиеся в современной истории литературы представления по интересующей нас проблеме нуждаются в корректировке и существенных дополнениях.

В раннем творчестве Блока складывается и приобретает известную целостность особого рода картина, мистическая по содержанию и оформленная по законам лирики. Ее суть — в своеобразном универсализме мистической доминанты, охватывающей и героя («я»), и героиню («Ты») во всех ее модификациях, и мир природного бытия, выступающий в поэзии Блока и как среда, условно говоря, обитания лирических персонажей, и как область устремлений «я» и природы, возникновения, сущности героини. Мистическая направленность мироощущения молодого поэта обуславливает напряженность его переживаний и мотивирует цельность и разветвленность той картины мира, которая без учета индивидуальных особенностей мистицизма поэта оказалась бы фрагментарной и недопроявленной.

Еще до недавнего времени религиозное содержание блоковского творчества являлось дискуссионным. Тенденция отодвигать религиозно-мистические стороны блоковского творчества на задний план наметилась уже в 1920-е гг. Одним из первых литературоведов эту тенденцию наметил И. Машбиц-Веров. Во вступительной статье к тому избранному стихотворению Блока, вышедшему в 1927 г., Машбиц-Веров обозначил свои исследовательские позиции следующим образом: «Мы

³ Энгельгардт Б. В пути погибший // Об Александре Блоке. Пб., 1921. С. 17.

вовсе не собираемся отрицать, что Блок был мистиком и что огромная часть его поэзии вскормлена мистической музой. Мы только подчеркиваем, что в творчестве великого поэта была и другая струя земная и языческая»⁴; «Чтобы быть великим, поэту вовсе не нужно средневековое одеяние иноков, ризы и церковная святость. Наоборот, угар от восковых свечей мистических богослужений искажает образ великого поэта»⁵. И далее: «Развитие поэтики Блока, как и эволюция самого поэта, шла по линии освобождения от мистики и вместе с ней — от символически абстрактной поэзии, шла в направлении все большего овладения прекрасными конкретно-четкими формами русского классического реализма»⁶. В настоящее время статья Машбиц-Ворова привлекла внимание Н. В. Котрелева, который подчеркивал: «Статья Машбиц-Ворова заслуживает внимательной неблагодарной памяти — это одна из первых и удачных попыток сформулировать ту схему, в которую улеглось советское истолкование творчества Блока на три четверти века, с которой вынужденно должны были считаться, по сути дела, все, кто писал о поэте»⁷. Совершенно ясно, что на сегодняшний день схема, намеченная Машбиц-Воровым, не выдерживает критики.

Обращаясь к ранней лирике Блока, исследователи сталкивались с проблемой затрудненности ее толкования⁸. До сих пор мы очень немного знаем о собственном внутреннем смысловом наполнении его ранних стихотворений. Подчеркнем: не о биографическом материале, лежащем в ее основе, и преломленном в них, а об имманентном содержании, уходящем корнями в религиозно-мистические представления Блока. До наших дней они остаются на уровне самых общих представлений о Софии, Вечной Женственности, Душе Мира как мистическом источнике лирики раннего Блока. Только в последнее время начался процесс исследовательского углубления и конкретизации этих общих мистических представлений.

Уже в 1960-е гг. З. Г. Минц справедливо писала:

«Очень часто откровенную мистичность концепций “Стихов о Прекрасной Даме” путают с неясностью, нечеткостью. Это

⁴ *Машбиц-Воров И.* Блок и современность // Блок А. Избранные стихотворения / Ред. П. Медведева. М., 1927. С. XIV.

⁵ Там же. С. XIV.

⁶ Там же. С. XLIV.

⁷ *Белый А.* Конспект введения к лекции «Блок» (Тифлис <19>27 г.) / Вступит. ст. и публ. Н. В. Котрелева // Наше наследие. 2005. № 75—76. С. 104.

⁸ Так, например, В. Енишерлов писал о «сложнейших текстах первого тома лирики Блока» (*Енишерлов В.* У стен московского кремля (Московские встречи А. Блока) // С любовью и тревогой. Статьи. Очерки. Рассказы. М., 1990. С. 362).

вряд ли справедливо. Конечно, “эзотерический” (тайный) язык, которым Блок стремился выразить свои мистические настроения, мало понятен в ряде его оттенков современному читателю. Но это не значит, что слова подобного языка были лишены — для Блока и для людей, идейно и эстетически ему близких, — определенных значений, находящихся друг с другом в достаточно четких соответствиях»⁹.

Сложность религиозно-символического языка раннего Блока заключается не только в особом «архаизировании» внутреннего опыта молодого человека начала XX в. (хотя и в этом тоже). Более сложная, чем блоковская, художественная система Вяч. Иванова, в последнее время достаточно успешно подвергается историко-литературной реконструкции, поскольку проблема прочтения Вяч. Иванова упирается чаще всего в источники. Известны источники — понятна логика возникновения той или иной образной, мотивной, лейтмотивной системы того или иного произведения Вяч. Иванова. Случай с Блоком другой. Даже имея основательные представления о круге чтения Блока, зачастую невозможно ответить на «элементарный» вопрос: «О чем его данное стихотворение?»

З. Г. Минц была совершенно права: действительно, эзотерический по своему характеру поэтический язык Блока имел, тем не менее, свое конкретное смысловое наполнение. Так же была права и А. А. Кублицкая-Пиоттух, когда писала, что в случае с Блоком «о зыбкости и расплывчатости не могло быть и речи».

В настоящее время необходимо не только констатировать «конкретное смысловое наполнение» эзотерического языка поэта, но и исследовать его состав, границы, детали. С достаточной степенью убежденности и доказательности можно утверждать, что в основе раннего творчества Блока лежала религиозно-мистическая идея, в полной мере не укладывающаяся в рамки ни православной, ни католической догматики, но имеющая и с той и с другой серьезные переклички. Эта идея не исходила в полной мере ни из одной архаической религиозно-философской или мифологической системы (будь то платонизм или гностицизм), и не совпадала полностью ни с одной из новейших «религиозных систем»: ни с Вл. Соловьевым, ни с Мережковским, ни с Андреем Белым или Вяч. Ивановым, ни с кем бы то ни было другим. Однако при этом у нее были с каждой из них определенные точки соприкосновения, моменты сближения и расхождения,

⁹ Минц З. Г. Лирика «первого тома» // Минц З. Г. Поэтика Александра Блока. СПб., 1999. С. 17.

переключки и аналогии. Блоковская религиозно-мистическая идея, лежащая в основании его творческого пути, не будучи ни у кого заимствованной в полном объеме, была вполне «самодетальной», если так можно выразиться, и полигенетической по своему характеру, что вовсе не уменьшает эстетические достоинства творчества поэта. Отсюда вытекает другая сторона эзотерической природы поэтического языка раннего Блока: его невозможно перевести *только* на язык религиозно-церковной образности (также символической по своей природе) без потерь как для эстетической, так и смысловой стороны дела.

Нужно сразу отметить: религиозность присутствует в блоковском творчестве в пластах несравненно более глубоких, чем самоочевидные лексический или образно-тематический. Она не только пронизывает весь его состав — от раннего к позднему периодам творчества, но и генерирует, и оформляет, и диктует собственно художественные смыслы его поэзии. Поэтому задача данной книги не столько — вычленение образов и мотивов религиозно-мистического характера, сколько — выявление той генеральной религиозно-мистической идеи, которая порождает эти конкретные образы и мотивы.

В целом же необходимо согласиться с мнением В. А. Сапогова, глубоко понимавшем раннюю лирику Блока: «...Произведение, названное случайно и неточно — “Стихи о Прекрасной Даме”, — становится одним из самых непонятных и в то же время бесконечно притягательных текстов русской поэзии»¹⁰.

Увлечение софиологией — значительный период русской религиозной мысли, получившей свое формирование в рамках философии Вл. Соловьева. Целое поколение не только религиозных мыслителей, но и поэтов и писателей отдало ей дань. По позднейшим оценкам все течение софиологии оказалось неким отклонением от центральной христианской богословской традиции. Постсимволистскому поколению поэтов пришлось возвращаться с позиций собственно софиологических, утверждавшихся русским символизмом, на традиционно христологические и даже христоцентрические позиции (О. Мандельштам «Скрябин и христианство» (1917), поэтическое творчество А. Ахматовой, роман Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» и др.).

Изучение в последние годы символистского и околосимволистского наследия позволяет прийти к заключению, что «русский символизм за время своего недолгого существования окружил себя

¹⁰ Сапогов В. А. Первая книга А. Блока «Стихи о Прекрасной Даме» // Блок А. Собр. соч.: В 12 т. Т. 1. Стихи о Прекрасной Даме (1904). Стихотворения. Книга первая (1898—1904). М., 1995. С. 435.

совершенно особой духовной атмосферой, пронизанной мистическим восприятием жизни»¹¹.

Наряду с элементами лирического сюжета как начала динамического, в формировании поэтики «Стихов о Прекрасной Даме» большую роль играет и символика в качестве начала статического (по отношению к лирическому сюжету). Именно символика в конечном счете задает определенную парадигму, в рамках которой мы способны в той или иной мере адекватно авторскому замыслу прочесть религиозно-мистическое содержание «Стихов о Прекрасной Даме».

До сих пор остается без ответа целый ряд вопросов, среди которых здесь назовем лишь некоторые: что именно, в понимании Блока, скрывается за соловьевским именованием Софии? Почему блоковская софиология противопоставлена Христу («Никогда не приму Христа»), в то время, как и у Вл. Соловьева, и у многих блоковских современников вопросы софиологии и христологии понимались как тесно смыкающиеся и вытекающие друг из друга? Каково отношение Блока к христианской догматике (православной и католической), что из нее входило в состав его мировоззрения, а что — нет? Каковы истоки и источники уточнения и определения метафизических и мистических представлений раннего Блока? и т. д.

В 1917 г. Блок записал в дневнике: «Всякая мысль прочна и завоевательна только тогда, когда верна основная схема ее, когда в ее основании разумеется чертеж сухой и единственно возможный. При нахождении чертежа нельзя не руководствоваться вековой академической традицией, здравым и, так сказать, естественным разумом» (Блок — 8: 7, 276). Поскольку нас интересовала именно блоковская *идея*, «ее основная схема», «сухой чертеж», по слову самого Блока, генерировавшая создание конкретных лирических произведений, мы не ставили перед собой задачу исследования «Стихов о Прекрасной Даме» (1904) как неповторимой художественной структуры в ее целостном жанровом и художественном составе «книги стихов». В качестве материала исследования мы имеем в виду не только состав первой поэтической книги («Стихи о Прекрасной Даме») Блока 1904 г., но и весь корпус стихов, написанных им в период 1898—1902, отчасти 1903—1904 гг. Мы сознательно отказались от анализа ранней лирики Блока в составе того или иного издания поэтической книги «Стихи о Прекрасной Даме». История публикации «Стихов о Прекрасной Даме» уже неоднократно привлекала внимание

¹¹ Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка / Сост., подгот. текстов и коммент. Е. В. Ивановой. М., 2004. С. 442.